

Я.Д.КОБЛОВ О КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ ПОВОЛЖСКИХ МУСУЛЬМАН В НАЧАЛЕ XX В.

© 2008 Р.Р.Исхаков

Институт истории Академии наук Республики Татарстан им. Ш.Марджани

Предлагаемая статья посвящена проблеме проведения историко-этнографических исследований в сфере культурно-религиозной жизни татар-мусульман Среднего Поволжья на рубеже XIX – XX вв. На основе работ Я.Д.Коблова предпринимается попытка определения вклада в данной области исторических изысканий русской миссионерской школы. Делается вывод о значимости этих работ в исследовании повседневной культуры поволжских мусульман.

Во второй половине XIX в. в России четко обозначился научный интерес к изучению истории Среднего Поволжья и населяющих ее народностей. Большую роль в этих исследованиях сыграли краеведы и различные научные общества Казани. Особо необходимо выделить представителей казанской миссионерской школы, которые одними из первых обратили внимание на этнографию и социально-культурную жизнь мусульман. Именно труды этих авторов в условиях отсутствия других источников стали преобладающими в российской историографии, оказывая значительное влияние на восприятие мусульманской общины (уммы) в глазах администрации и общественности. Работы Н.И.Ильминского¹, Е.А.Малова², Н.П.Остроумова³, М.А.Машанова⁴, М.А.Мироппиева⁵ заложили основу разработки церковно-миссионерского взгляда, сформировали определенное научно-политическое направление в этой области.

Примечательно, что созданное в 1877 г. Общество археологии, истории и этнографии

при Казанском университете (ОАИЭ), ставшее наиболее крупным научным центром по изучению Поволжья и Сибири, практически не уделяло внимания изучению жизни и верований мусульман. По мнению Р.Джераси, это было связано с укрепившимся в Западной Европе, а впоследствии и в России мнением, что мусульманские общества являются "постэтническими" – не обладающими культурным своеобразием, где национальная традиция заменена общемусульманской моделью развития⁶. Другой важной причиной являлось отсутствие квалифицированных кадров светских этнолингвистов-востоковедов. С переводом в 1855 г. Восточного разряда Казанского университета в Санкт-Петербург традиция академического востоковедения в Казани была прервана. Попытки ее реанимации, предпринимавшиеся во второй половине XIX в. не привели к значительному улучшению качества преподавания и изучения тюркских языков⁷.

По-другому дело обстояло с развитием миссионерской школы востоковедения и этнографии. После реорганизации в 1854 г. в Казанской духовной академии (КазДА) создаются миссионерские отделения: противораскольническое, противобуддийское, противомусульманское⁸. Специфические задачи, стоявшие пе-

¹ *Ильминский Н.И.* Казанская центральная крещено-татарская школа. – Казань: 1887.

² *Малов Е.* Миссионерство среди мухамедан и крещеных татар. Дневник миссионера. Сб. ст. – Казань: 1892; Его же. О татарских мечетях. – Казань: 1869; Его же. Сведения о мишарях. Этнографический очерк. – Казань: 1885.

³ *Остроумов Н.П.* Исторический опыт взаимоотношений между христианством и мусульманством. – С.-Пб.: 1888; Его же. Историческое и современное значение христианского миссионерства среди мухамедан. – Казань: 1894.

⁴ *Машанов М.А.* Современное движение в исламе // Церковно-общественная жизнь. – №3. 1906. – С.90 – 91; Его же. Современное состояние татар-мухамедан и их отношение к другим инородцам // Миссионерский съезд в г. Казани 13 – 26 июня 1910 года. – Казань: 1910. – С.235 – 335.

⁵ *Мироппиев М.А.* О положении русских инородцев. – С.-Пб.: 1901.

⁶ *Джераси Р.* Культурная судьба империи под вопросом: мусульманский Восток в российской этнографии XIX века // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. ст. (Библиотека журнала *Ab Imperio*). – Казань: 2004. С. 279.

⁷ Только в конце XIX в., когда кафедру тюркских языков Казанского университета возглавил Н.Ф.Катанов, здесь началось систематическое изучение языков мусульманских народов Поволжья.

⁸ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф.10. Оп.1. Д.1324. Л.1 – 2.

ред противомусульманским отделением, определили общую направленность научных изысканий его преподавательского состава. Наряду с изучением языков и переводческой деятельностью, характерными для классической академической школы ориентализма, здесь активно развивались такие узкопрофессиональные предметы, как сравнительное религиоведение (история и обличение мухаммеданства), этнография, изучение религиозных верований мусульман России. Стремление найти адекватные пути решения проблемы религиозной унификации мусульман способствовало изучению жизни уммы как необходимой основы успешной христианско-просветительской деятельности среди них.

По совершенно справедливому мнению И.Л.Алексеева, основной заслугой казанских миссионеров-востоковедов следует признать значительные успехи в сборе и систематизации материала, подчас недоступного для кабинетного ученого, в первую очередь – обширного полевого этнографического материала, собранного в ходе практической деятельности⁹. Наиболее значимыми в этом плане являются этнографические изыскания воспитанника КазДА, миссионера-исламоведа Якова Дмитриевича Коблова.

Получив фундаментальную подготовку у профессоров "противомусульманского" отделения КазДА Е.А.Малова, М.А.Машанова, П.Жузе и во время своих миссионерских командировок в татарские селения, Я.Д. Коблов становится одним из ведущих российских специалистов по истории и этнографии мусульман Среднего Поволжья. Прекрасное знание восточных языков, ислама еще в студенческие годы привлекли к нему внимание маститого востоковеда и миссионера, основателя полемической школы протоиерея Е.А.Малова. По его рекомендации в 1900 г., будучи студентом КазДА, Я.Д.Коблов назначается епархиальным противомусульманским миссионером Казанской епархии. В ходе своей профессиональной деятельности¹⁰ им был собран обширный этно-

графический материал, ставший основой будущих многочисленных исследований, посвященных мусульманам Среднего Поволжья¹¹. Опровергая укрепившийся в широких кругах взгляд на татар как на народ отсталый, Я.Д.Коблов обращает внимание на изменения в их образе жизни, проникновение новых прогрессивных веяний, характеризует культуру поволжских мусульман как симбиоз восточной и западной цивилизации.

Особое место в научных разработках Я.Д.Коблова занимает описание культурно-религиозной жизни татар-мусульман. Причем, наряду с изучением мусульманской, религиозной обрядности, автор освещает народные, не имевшие исламских корней традиции, праздники, фольклор. Сам Я.Д.Коблов, признавая важность этого направления, в исследовании этнографии татар-мусульман писал: "Если описание религиозных обрядов имеет значение для определения религиозного жизнеописания татар магометан – то изложение народных обычаев имеет не меньший этнографический интерес, важный для уяснения национальности, их отличительных свойств и характерных особенностей татар"¹². Хорошее знание объекта исследования, скрупулезность, с которой автор во время своих поездок собирал все наиболее значимые, с его точки зрения, сведения из быта

ни на убеждениях в необходимости активной миссионерской деятельности РПЦ среди мусульман. Отдел редких рукописей и книг научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского КГУ. Ф.7. Д.12. Л.31.

¹¹ Коблов Я.Д. Граф Л.Н.Толстой и мусульмане (по поводу переписки Л.Н.Толстого с казанскими татарами). – Казань: 1904; *Его же*. Конфессиональные школы казанских татар. – Казань: 1916; *Его же*. Мечты татар-магометан о национальной общеобразовательной школе. – Казань: 1908; *Его же*. Мифология казанских татар. – Казань: 1910; *Его же*. Народные представления магометан о рае и аде. – Казань: 1907; *Его же*. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк. – Казань: 1907; *Его же*. О татаризации инородцев Приволжского края // Миссионерский съезд в г. Казани 13 – 26 июня 1910 года. – Казань: 1910. – С.351 – 375; *Его же*. О татарских мусульманских праздниках. – Казань: 1907; *Его же*. Религиозные обряды и обычаи татар-магометан. (При наречении имени новорожденному, свадебные обряды и похороны). – Казань: 1908; *Его же*. Татарские мусульманские школы (медресе) // Церковно-общественная жизнь. – №9. 1906. – С.323 – 325.

¹² Коблов Я.Д. Религиозные обряды и обычаи татар-магометан. (При наречении имени новорожденному, свадебные обряды и похороны). – Казань: 1908. – С.4.

⁹ Алексеев И.Л. Казанское миссионерское исламоведение и проблема восприятия ислама в русском обществе // Религиоведение. – №2. 2001. – С.86.

¹⁰ В 1908 г. в связи с разногласиями ректором КазДА Алексием (Дородницын) Я.Д.Коблов был вынужден оставить свой пост и перейти на должность инспектора народных училищ Елабужского уезда Вятской губернии, что, впрочем, не сказалось ни на его научных изысканиях,

мусульман, придает работам Я.Д.Коблова некий энциклопедический характер.

Важнейшей чертой характера татарина-мусульманина, по Я.Д.Коблову, является исключительная религиозность. "Проезжая по местности, населенной татарами-мусульманами, невольно обращаешь внимание на то, что в каждой татарской деревне, как бы она ни была мала и бедна, находится мечеть. Факт достопримечательный, свидетельствующий о том, что мусульмане, прежде всего, обращают внимание на удовлетворение своих религиозных нужд"¹³. Я.Д.Коблов видит в исламе важнейший фактор в этноконфессиональной идентичности поволжских татар, наложивший отпечаток на все стороны их жизни: "Единственное, что сообщает им (татарам – И.Р.) значение и силу – это их религия... Религия сплотила их в одну большую семью, заставляет во всем действовать единодушно"¹⁴.

С самого раннего детства татары воспитывались в религиозном духе, прививавшийся сначала в семье, а впоследствии в мусульманских, конфессиональных школах (мектебе). В мектебе не просто давалось первоначальное образование, но и формировалось мировоззрение ученика, основой которого являлись нормы ислама. Практически в каждой татарской деревне имелась своя школа, в которой обучение вел местный мулла или специально приглашаемый учитель (мугаллим). Такое распространение школ было связано, по мнению Я.Д.Коблова, с тем, что изучение наук считается для мусульманина "делом в высшей степени богоугодным: ученый в глазах Божьих выше молитвенника и мученика"¹⁵.

Именно в широком развитии религиозного образования среди мусульман автор видит основную причину укрепления исламской традиции в регионе, упорной приверженности татар своей религии. Повсеместное распространение школ способствовало высокому уровню грамотности среди поволжских мусульман. По мнению автора, "среди народностей, населяющих восточную часть России, татары магометане

по грамотности занимают первое место. Процент грамотных среди них очень велик даже по сравнению с русскими. Из какого бы класса ни происходил татарин, он непременно знает начатки вероучения, умеет читать и писать по-татарски"¹⁶.

Во главе мусульманского прихода стоял имам (с араб. языка – глава, руководитель коллективной молитвы). Мулла был наиболее уважаемым членом общины, без участия которого не обходилось ни одно значимое событие. Я.Д.Коблов подчеркивает непререкаемый авторитет имама среди своей паствы: "В мусульманской деревне, подобно тому, как в русском православном селе священник, мулла первое лицо и самый авторитетный человек. Да иначе и быть не может. Мало того, что к нему мусульманин обращается во всех религиозных нуждах и потребностях, мулла в деревне единственный более или менее сведущий человек, к которому можно обратиться за разрешением недоуменных вопросов, от которого даже можно узнать иногда, что делается на белом свете"¹⁷. Мулла, по мнению Я.Д.Коблова, подчиняет себе прихожан не внешним авторитетом, а исключительно своим духовным влиянием, как человек, прекрасно понимающий их жизнь"¹⁸.

Имам был не только духовным лидером, но и третейским судьей в спорах возникавших между прихожанами, блюстителем нравственных устоев в деревне. В обязанности муллы кроме повседневных обязанностей – ежедневных коллективных молитв (салят, намаз), посещения мечети – входила организация религиозных обрядов: наречение имени новорожденному, свадьба (никях), похороны.

Как видно из трудов Я.Д.Коблова, татары-мусульмане придавали большое значение этим религиозным обрядам, с которыми было связано много обычаев чисто народного характера, не имеющих религиозного значения"¹⁹. Так, по его наблюдениям, у казанских татар сохранилась архаичная традиция похищения невест, которая противоречила нормам шариата и осуждалась официальным духовенством. По-

¹³ Коблов Я.Д. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк. – Казань: 1907. – С.3.

¹⁴ Коблов Я.Д. О татаризации инородцев Приволжского края // Миссионерский съезд в г. Казани 13 – 26 июня 1910 года. – Казань: 1910. – С.352.

¹⁵ Коблов Я.Д. Мечты татар- магометан о национальной общеобразовательной школе. – Казань: 1908. – С.1.

¹⁶ Там же. – С.1.

¹⁷ Там же. – С.8.

¹⁸ Коблов Я.Д. О татаризации инородцев Приволжского края. – Казань: 1910. – С.356.

¹⁹ Коблов Я.Д. Религиозные обряды и обычаи татар-магометан. (При наречении имени новорожденному, свадебные обряды и похороны). – Казань: 1908. – С.4.

хищение происходило обычно в случаях, когда молодой человек не рассчитывал на согласие родителей невесты выдать за него свою дочь. В подобных случаях молодые тайно уезжали в какую-либо соседнюю деревню, к знакомым, у которых они жили определенное время. Такой брак признавался родными *de facto*, при этом приданое (мехр) со стороны жениха бралось в больших размерах, чем обыкновенно. При похоронных обрядах вместе с религиозными широко применялись народные традиции. Характерным для татар являлись поминальные обеды в третий, седьмой и сороковые дни после похорон. На эти обеды приглашались родственники и знакомые, число которых у богатых людей доходило до несколько сот человек²⁰.

В жизни поволжских мусульман важное место занимали религиозные праздники. Из них наиболее почитаемым была пятница (джу-ма). Пятничный день отличался от других торжественным богослужением во время полуденной молитвы с чтением специальной проповеди (хутбы). Пятница являлась выходным днем. Татары-мусульмане старались не начинать в этот день новой работы, посещали мечеть, ходили в гости к родственникам и друзьям. Празднование пятницы перешло от татар к другим народам Среднего Поволжья (чувашиам, удмуртам, мари): "Они пятничный день выделяют из других дней и относятся к нему с исключительным уважением. В особенности это заметно в тех местностях, где ... инородцы живут совместно с татарами мусульманами"²¹.

Особой торжественностью отличались праздники Фитр байрам (праздник разговения в первый день месяца Шаввала после окончания поста в месяц Рамазан), Курбан байрам (праздник жертвоприношения в 10-й день месяца Дзуль-хиджа, приуроченный к памяти жертвоприношения Авраамом своего сына Исаила). Во время этих праздников каждый правоверный мусульманин считал своим долгом участвовать в праздничной молитве в мечети. Поэтому стечение народа к намазу в такие дни огромное, "так что мечеть иногда не в состоянии вместить всех"²². В этом случае моления происходили на открытом воздухе, или часть молящихся образовывала особые ряды около ме-

чети. В эти праздники состоятельные татары раздавали милостыню нуждающимся, организовывали праздничные обеды. Во время Курбана татары-мусульмане приносили в жертву животное, мясо и кожу которого раздавали бедным и мусульманскому духовенству.

Наряду с мусульманскими праздниками Я.Д.Коблов выделяет народные торжества, "неуклонно соблюдаемые, как наследие предков"²³ – Сабантуй и Джиин. Сабантуй, по словам Я.Д.Коблова, "самое веселое время у татар-мусульман. Поэтому на это празднество всегда стекается народу очень много, бывают и иноверцы – русские и др."²⁴ Он праздновался весной в течение недели непосредственно перед началом полевых работ. В день Сабантуя после утренней молитвы жители деревни собирались где-либо в поле, на лужайке и устраивали разные игры: упражнялись в борьбе, в беге, скачках на лошадях. В больших селениях в это время проводились ярмарки и базары. Интересно мнение Я.Д.Коблова о происхождении этого праздника. В Сабантуе он видит древнетюркский, языческий праздник, доставшийся татарам от их предков булгар²⁵. Другой народный праздник – Джиин отмечался летом, перед началом жатвы. Джиин праздновался в разных деревнях в разное время по определенной очередности. Особой организованностью и размахом этот праздник, по мнению автора, отмечался в Приказанье. На Джиин приглашали музыкантов: (балалаечников, скрипачей, гармонистов), устраивали ярмарки и народные гуляния с играми и увеселениями.

По замечанию автора, во многих смешанных селениях мусульмане, наряду с русскими, празднуют многие православные праздники, впрочем не придавая им религиозного значения. Так, во многих татарских деревнях Тетюшского уезда Казанской губернии празднуется Покров; в Елабужском уезде в рождественские праздники мусульмане ходят к друг к другу в гости; в Свияжском уезде празднуют день Тихвинской Божьей матери и др.²⁶ Эти факты свидетельствуют о значительном развитии этноконфессионального взаимодействия

²⁰ Там же. – С.44.

²¹ Коблов Я.Д. О татарских мусульманских праздниках. – Казань: 1907. – С.16.

²² Там же. – С.22.

²³ Там же. – С.35.

²⁴ Там же. – С.37–38.

²⁵ Там же. – С.38.

²⁶ Коблов Я.Д. О татарских мусульманских праздниках. – Казань: 1907. – С.41.

народов Среднего Поволжья, их тесного, культурного общения между собой.

Я.Д.Коблов одним из первых обратил внимание на важное значение народных поверий, мифологических представлений в мировоззрении татар-мусульман: "У казанских татар разнообразные народные поверия, гадания и приметы от старинных времен сохраняются до настоящего времени, и, по нашему наблюдению, нисколько не в меньшей степени, чем у других народностей"²⁷. Этот тезис явно не соответствовал распространенному в миссионерской литературе мнению о том, что у мусульман "ислам подавляет все продукты творческой фантазии народа, заменяя их своей религиозной традицией". Как известно, у татар-мусульман был развит богатый пантеон мифологических существ: вера в домового (ой эясе), кикимору (бичура), лешего (шуряле), упыря (убыр), нечистую силу (албасты, уряк), водяного (су анасы, су иясе), драконов и гигантских змей (аждаха), джинов др. Татары, как и другие народы,

верили в сверхъестественные способности: колдовство, ворожбу, возможность предсказания судьбы и др. Хотя эти представления часто входили в противоречия с нормами ислама, они являлись важной частью народного мирозерцания, формируя определенную модель религиозного синкретизма.

Оценивая этнографические работы Я.Д.Коблова, следует отметить их большое историко-этнографическое значение для изучения истории поволжских мусульман. Автор ввел в научный оборот многие интересные этнографические факты, значительно расширил представления о жизни татар Среднего Поволжья. Труды Я.Д.Коблова показывают значительное изменение в отношении русского общества к российским мусульманам, повышение интереса к культуре и религии нерусских народов империи.

²⁷Коблов Я.Д. Мифология казанских татар. – Казань: 1910. – С.1.

J.D.KOBLOV ON CULTURAL AND RELIGIOUS LIFE OF THE VOLGA REGION MUSLIMS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

© 2008 R.R.Iskhakov

Institute of History named after Sh. Mardgani, the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan, Kazan

The paper is devoted to the problem of the development of ethnographic researches in the field of cultural and religious life of the Tatars - Muslims of the Middle Volga region. On the basis of J.D.Koblov works the author analyses the contribution and general orientation of scholarly researches made by the Russian missionary ethnographers. The author makes a conclusion about the importance of these works for studying the history and life of the Volga region Muslims and about the necessity of their introduction into wide scientific circulation.